

DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9027

EDN: ZYKFZG

О ПОДХОДАХ К СОЗДАНИЮ ТЕОРИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА. По книге Армина Нассе «ОБРАЗЕЦ» («MUSTER»)

А. П. Климович¹

¹Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации (Липецкий филиал).
398050, Россия, Липецк, ул. Интернациональная, 12Б

Для цитирования: *Климович А. П. О подходах к созданию теории цифрового общества. По книге Армина Нассе «Образец» («Muster»). 2022. Т. 10, № 2. С. 39–51. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9027. EDN: ZYKFZG*

Аннотация. В связи со значительным влиянием цифровых технологий на общество, можно по праву признать, что область цифровизации стала настоящей лабораторией по созданию новых концептов, определяющих направление развития современной социологической мысли. Скорость и масштаб формирования технологий предъявляет требования и к критическому анализу их применения. Глобальный характер цифровизации отражается в проведении большого количества социологических исследований в разных странах на разных языках. Для повышения эффективности работы социологов требуется быстрый и качественный перевод большого количества исследований. Переводы с английского в нашей стране более или менее поставлены на поток, однако переводы с немецкого делаются значительно реже, несмотря на то, что немецкая социально-философская традиция очень сильна. Армина Нассе можно по праву причислить к рангу одного из ведущих современных немецких социологов. Являясь последователем Билефельдской социологической школы, А. Нассе одновременно является известным исследователем влияния цифровых технологий на современное общество. Книги А. Нассе касаются широкого круга социологических исследований, однако если речь идёт о цифровизации, то, конечно, книга «Образец», вышедшая в 2019 г., заслуживает наибольшего внимания. В этой работе предпринимаются попытки поиска ответов на самые актуальные вопросы, касающиеся разработки теории цифровизации. Предлагаемая статья, конечно, не может заменить перевод книги, но может дать краткий обзор тех идей, которые в ней содержатся. В статье делается обзор новых подходов к созданию теории цифрового общества.

Ключевые слова: цифровое общество; цифровая трансформация; функционально-дифференциальная теория; бинарное кодирование; генерализированный медиум; конфиденциальность; большие данные

Введение

Трудно назвать сегодня тему более популярную и актуальную, чем тема цифровизации общества. Безусловно, к проблеме цифровизации можно подходить с разных сторон. А. Нассе предпринимает свою попытку с перспективы социально-технологической интуиции. Он отталкивается от размышления о том, почему технологии, которые явно не были разработаны для того, что они делают в настоящее время, стали настолько успешными за радикально короткий срок и в конечном итоге проникли почти во все сферы общественной жизни. Развивая эту мысль, автор обращает внимание на то, что внедряемые в социум технологии и методы могут быть успешными только в том случае, если они в достаточной степени совместимы со структурой общества. Поэтому цифровизация должна быть напрямую связана с фундаментом социальной структуры. По сути, это не просто социальное явление, происходящее под внешним технологическим влиянием. Цифровизация сама является глобальным социологическим проектом [16, с. 22]. В книге речь идёт скорее не об описании процесса цифровизации, а о попытке разработки теории цифрового общества.

Какую социальную проблему решает цифровизация? Этот вопрос является ключевым, от которого отталкивается А. Нассе. Автор книги отмечает, что по мере накопления информации процесс самоописания общества становится всё менее прозрачным. В обществе проблематизируется сам феномен социального порядка, поскольку его наблюдение перестаёт быть тривиальным. Это обстоятельство описывается автором как структурная предпосылка появления цифровых технологий. Однако связанный с накоплением информации рост сложности не ведёт к разрушению порядка. По мере сбора данных и развития методов их обработки открываются более сложные и лишь статистически улавливаемые социальные закономерности. Таким образом, происходит цифровое открытие общества, при котором, с одной стороны, расширяются возможности комбинирования и вариативности, а с другой — регистрируются сложные закономерности, обеспечивающие инерцию и устойчивость к дестабилизации. Обе формы — увеличение вариативности и наблюдение более тонких слоёв упорядоченности — находят отражение в цифровизации. Современные общества можно понять только в цифровом формате, другими словами, общество само по себе является цифровым феноменом.

Цифровое дублирование мира

Анализируя проблему роста сложности и стабилизации, А. Нассе использует термин цифровое дублирование мира, для раскрытия которого он обращается к тезису о трёх социальных переходах. Наряду с двумя такими глобальными процессами, как изобретение письменности и книгопечатания, цифровизация, по его мнению, является третьей фундаментальной трансформацией общества. Каждый глобальный переход сопровождается своеобразным дублированием мира, которое ведёт к увеличению сложности, потере контроля и последующей необходимости развития новых стабилизирующих систем редукции комплексности.

Впервые удвоение мира чётко просматривается при возникновении письменности [16, с. 36]. Письменность явилась глобальным качественным переломом прежде всего потому, что открыла возможность многократного умножения интерпретаций, создав дублирующее пространство мира описаний. В то же время увеличение сложности общественных отношений привело к развитию новых форм ограничений, регулирующих процесс создания и распространения письменных документов, стабилизирующих социальный порядок. Подобным образом и открытие книгопечатания стало переломом в структуре общественной организации. Открытие печати так же, как и изобретение письменности, способствовало увеличению сложности общества и привело к значительной дифференциации его структуры. Как и в случае с письменностью, книгопечатание означало повышение риска потери контроля. Технология привела к распространению самого разного печатного материала, выходящего далеко за пределы легитимации институтом церкви. Для тех, кто умел читать Библию, открылась возможность прочтения религиозной полемики, газет и даже романов. [11, с. 729]. Для осуществления порядка в новых обстоятельствах требовался механизм редукции сложности. Так, распространение печатной продукции повлекло за собой развитие стратификации и установления чётких иерархических моделей, сыгравших роль необходимых стабилизаторов при переходе на новый уровень комплексности.

Рассуждая о цифровизации как о третьем глобальном переходе, А. Нассе задаётся вопросом: приводит ли она к угрозе потери контроля, подобно случаям с письменностью и книгопечатанием? Проводя анализ рисков потери контроля в процессе цифрового дублирования, исследователь не скрывает опасности развития пессимистичных сценариев. Цифровизация, устанавливая связь между капиталом и сбором данных, приводит к критической степени концентрации власти, выражающейся в тенденции к монополизации сфер общественной жизни. В качестве примера предупреждения рисков цифровизации А. Нассе ссылается на исследования Д. Хелбинга, называющего наступление цифровой эпохи цифровым тоталитаризмом [8, с. 99], а также обращается к работам экономистки Ш. Зубов, являющейся автором термина «надзорный капитализм» [1]. Однако далее А. Нассе указывает, что, цифровые технологии, увеличивая сложность социума, развивают механизмы стабилизации, компенсирующие возрастающую вариативность, связанную с цифровым удвоением. Цифровое самописание общества, как и в случаях с письменностью и книгопечатанием, с одной стороны, приводит к росту комплексности и увеличению нестабильности, а с другой — сопровождается появлением новых функций поддержания порядка, обеспечивающих необходимую редукцию комплексности.

Лежащая в основе цифровых технологий двоичная система исчисления использует предельно простую структуру различия. А. Нассе обращает внимание на то, что цифровой носитель, построенный на различии между 0 и 1, реализует возможности так называемого максимального минимализма [16, с. 181]. Структура цифрового медиума удивительно проста и может быть использована для чего угодно. Именно по этой причине цифровые технологии получили повсеместное распространение. Они применимы практически во всех сферах, так как способны описать что угодно, позволяя связать и сравнить всё со всем.

А. Нассе, привлекая терминологию системной теории Лумана, указывает на то, что концепция кодирования функционально-дифференцированных систем посредством «генерализованного» медиума, имеет такую же структуру, как и двоичное

кодирование, используемое цифровыми технологиями. Сам Луман писал, что для осуществления коммуникации в пределах своих границ функционально дифференцированная система использует символически обобщённый медиум, построенный на основе единого, генерализованного кода [16, с. 199]. Кодирование, построенное на элементарной двоичной форме да / нет, исключает третье значение, предельно упрощая исход коммуникации. В соответствии с представлениями Лумана, функционально дифференцированные общества приходят на смену иерархическим, «стратификаторным» [2, с.152]. Общества, которые больше не могут полагаться на иерархическое упрощение порядка посредством структурирования сверху-вниз, преуспевают в создании порядка ожидаемости посредством бинарного кодирования. А. Нассе обращает внимание на то, что двоичный код позволяет формирование устойчивых структур, с одной стороны, и радикальное расширение разнообразия форм, с другой. Цифровизация – это техническая форма, структура которой решает ту же проблему создания порядка, что и функционально-дифференцированные системы современного общества. В соответствии с теорией Лумана, эти системы приобретают разнообразные формы на основе генерализованного медиума, построенного на бинарном кодировании [16, с. 207].

Отсылая к контексту рассмотрения процесса дублирования общества посредством цифровизации, А. Нассе делает интересный поворот, отчасти напоминающий Луманский подход к анализу процесса наблюдения, в котором последний, рассматривая тему наблюдения, ввёл понятие наблюдателя второго порядка – наблюдателя за наблюдателем. [12] Подобно этому, А. Нассе видит цифровизацию как процесс наблюдения общества за самим собой. Развивая эту идею, он заключает, что оцифровка оказывается своего рода зеркалом, в котором современное общество может видеть собственное цифровое отражение. А. Нассе проводит параллель между сознательным действием субъекта и цифровым отражением, называя его процессом общественного самоосознания. Этот процесс самоосознания позволяет действовать обществу исходя из понимания собственных закономерностей и развить собственные средства самоанализа [16, с. 220]. В связи с этим А. Нассе приводит цитату Канта из его работы «Что есть просвещение», где латинское изречение *Sapere aude* классик немецкого идеализма перевёл как: «Имей мужество использовать свой собственный разум» [10]. Таким образом, проводя параллель между цифровой трансформацией и эпохой Просвещения, А. Нассе предлагает интерпретировать процесс цифровизации в качестве просветительского проекта, осуществляющегося в масштабе всего мирового сообщества.

Неопределённость статуса цифровых машин

Продолжая анализ технологий в духе функциональной теории Лумана, А. Нассе рассматривает технологию как функционал. Автор приводит рассуждения Эрнста Кассирера, который понимал технологию как одну из символических форм, а именно как форму, улавливающую реальность «посредством действия» [5]. А. Нассе обращает внимание на то, что технологии аккумулируют и развива-

ют такие действия, которые, следуя фиксированному образцу (muster), воспроизводимо и надёжно вызывают ожидаемые эффекты. Следуя рассуждениям автора, решающей для техники оказывается функция функционирования (термин А. Нассе — прим. А. К.). Он обращает внимание на то обстоятельство, что критическое требование к технике состоит в том, чтобы она действовала. Функции понимания и объяснения собственных принципов действия не являются главными. Если достигается результат, то объяснение, почему он был достигнут, не является специфической задачей техники. Одновременно функционирующая техника, не объясняющая причин успеха своих действий, вызывает опасения. Возрастание страха к технике, таким образом, выглядит логичным и предсказуемым следствием появления ощущения потери контроля над ней.

Этот эффект показательно выразился в метафоре «чёрного ящика», представляющем технику как некоторый непрозрачный и недоступный для взгляда объект. В таком подходе от техники не ждут действий в соответствии с фиксированной схемой и, как следствие, не требуют надёжных гарантий ожидаемых эффектов. Такое понимание машины позволяет избежать строгой связи между вводом и выводом [21, с. 32]. Непредсказуемость перестаёт быть прерогативой человека, тем самым техника начинает претендовать на роль творческого субъекта. Эта претензия, возникшая на рубеже взаимодействия техники и человека, должна была каким-то образом получить разрешение. Ответом на вопрос, какому критерию должна соответствовать техника для получения статуса автономно действующей креативной машины, стал тест, предложенный британским математиком А. Тюрингом [16, с. 254]. С другой стороны, внешняя схожесть действий техники с человеческим поведением не дала ей права на полную эквивалентность. В мысленном эксперименте, известном под названием «Китайская комната», философ Дж. Сирл показал, что поведение машины, внешне схожее с человеческим, ещё не обозначает, что машина действительно обладает непредсказуемостью, в человеческом смысле [16, с. 255]. Впечатление интеллекта может произвести и действующая по жёстким правилам машина, в том случае, если механизм её действия скрыт [16, с. 256].

Наряду с функциональным подходом, отражающим парадигму — техника должна работать, А. Нассе освещает такое свойство современной техники, как обучение. Он отмечает, что на современную технику возлагается функция принятия решения, в процессе которого система должна сделать выбор между тем, что является важной информацией, а что — помехой. А. Нассе проводит параллель между технической задачей выбора и онтологической проблемой различия субстанции и акциденции, поднятой ещё Аристотелем [16, с. 270]. Ссылаясь на Д. Беркли, выдвинувшего тезис эквивалентности бытия и восприятия (*Esse est percipi*) [16, с. 271], А. Нассе указывает на возможность нового подхода к философской проблеме бытия, который можно было бы назвать цифровой онтологией.

Далее А. Нассе обращает внимание на связь между Пирсовским абдуктивным выводом и принципами функционирования современных компьютеров. Американский математик Чарльз Пирс, наряду с индуктивным логическим выводом от частного к общему и дедуктивным — от общего к частному, сформулировал абдуктивный метод, суть которого заключалась в выводе регулярности на основании

частного случая и общего правила. Он определил абдукцию как единственный логический вывод, который сам по себе содержательно что-то производит (в отличие от тавтологических методов дедукции и индукции). Сам Ч. Пирс описывает его как «единственную логическую процедуру, которая необходима для вывода любой новой идеи» [18]. Такой вывод всегда содержит остаток неопределённости, который не содержится в строго дедуктивных или индуктивных процедурах, так как в последних существуют неизменные, то есть аксиоматические «законы» в форме конкретных определений. В процессе же абдукции внутренние категории должны формироваться на основе опыта, путём наложения образца или, другими словами, шаблона. Далее, в традициях Луманского стиля работы с парадоксом, А. Нассе, анализируя определение процесса понимания, указывает на содержащуюся в этом определении логическую заикленность, состоящую в том, что определение понимания всегда включает в себя возможность непонимания и содержит вероятность ошибок. Автор заканчивает раздел, посвящённый абдуктивной логике машин, обращением к высказыванию А. Тьюринга, сформулировавшего тезис о том, что, если к машине предъявить требование безошибочности, она не сможет быть одновременно интеллектуальной [6, с. 41]. Таким образом, А. Нассе объясняет имеющееся противоречие социального статуса машины: с одной стороны, абдуктивная методология алгоритмов обучения позволяет освободиться от жёсткой каузальности, с другой — требование ремонтпригодности и подконтрольности лишает машину права на ошибку.

А. Нассе развивает системную теорию Лумана, успешно применяя его методологию к эпохе цифровой трансформации. В частности, он описывает функционально дифференцированное общество с помощью метафоры информатики, а именно как систему распределённого интеллекта [13, с. 65]. Иерархические социальные модели являются дедуктивными. Классические, досовременные общества следовали чёткой модели управления сверху-вниз, в которой всё могло идти по одной схеме, обрабатываемой алгоритмически. Современное функционально дифференцированное общество имеет архитектуру распределённого интеллекта, которая увеличивает независимость компонентов, одновременно увеличивает сложность взаимодействия и снижает возможность централизованного управления, поскольку ни у одной части больше нет доступа ко всем процессам других компонентов. Развиваемая цифровыми технологиями архитектура распределённого интеллекта, в конечном итоге, отражает модель, которая уже существует в современном функционально дифференцированном обществе. Проблематика отношений общества и цифровых технологий, на самом деле, лишь повторяет структуру самого общества.

Анализу парадокса саморефлексии социальных систем А. Нассе посвящает главу «Неполнота, условность, системные парадоксы». Начиная с рассмотрения самореферентных структур, он ссылается на работы математика К. Гёделя, отмечая, что, если алгоритмы выражены на формальном языке, то по логическим причинам машинный интеллект не может быть человеческим интеллектом, что, по сути, и было доказано теоремой Гёделя о неполноте [3, с. 110]. В соответствии с представлениями, описанными Луманом в функциональной теории, самореферентные социальные системы сталкиваются с парадоксами, потому что они неполны в операциях, в которых они ссылаются на себя.

А. Нассе указывает на то, что в отличие от систем, построенных на формальной логике, социальные и психологические системы не заходят в логический тупик при столкновении с парадоксом, а продолжают действовать. Поясняя это явление, А. Нассе ссылается на другую свою работу, где он детально разбирает процесс преодоления парадоксов социальными системами, назвав его депарадоксификацией во времени [14, с. 187]. А. Нассе указывает на то, что современные компьютеры в процессе обучения нейронных сетей используют, по сути, тот же метод. Аргумент состоит в том, что глубокое обучение происходит точно так же: оно проверяет и выстраивает не только логико-семантический, но и временной уровень. Машины, построенные на многоуровневых архитектурах, использующие нейронные сети с глубоким обучением, не просто работают, выполняя алгоритмы дедуктивно, но используют информацию для генерации новых гипотез, которые удовлетворяют условиям стохастических предельных значений. Им не нужно объяснять, что и как делать. Как и прежде, главный критерий, применяемый к машинам – чтобы они функционировали. В конце главы А. Нассе цитирует Б. Доцлера: «Думают ли машины или нет, не имеет значения. Главным оказывается то, что они работают» [4, с. 52].

Цифровые масс-медиа

Аналізу трансформации средств массовой информации в книге посвящена отдельная глава. Поясняя их роль в современном обществе, А. Нассе указывает на то, что СМИ являются разновидностью самореферентной структуры. Масс-медиа организуют пространство социального самопознания, отражая общество в самом себе. Как и другие функционально дифференцированные системы, они осуществляют контингентный отбор. Классические средства массовой информации, реализуя профессиональные формы дифференциации контента, осуществляют его выборочную тематизацию. СМИ сообщают обо всём, но выборочно, и это не является противоречием [16, с. 323].

Ещё десять лет назад ожидалось, что развитие цифровых технологий приведёт к появлению виртуального сообщества, обладающего свойствами, значительно отличающимися от того, что имелося до его возникновения. Особенно эти ожидания касались дальнейшего развития демократии. Предполагалось, что свободное, не регулируемое, не знающее давления и цензуры общение в Интернете, будет построено в соответствии с представлениями распространённой в Кремниевой долине либертарианской доктрины. В то время не вызывало больших опасений, что либертарианский принцип неограниченного общения в конечном итоге приведёт к игнорированию стабилизирующих сообщество форм отбора. Со временем стало понятно, что отсутствие регулирования не только чревато дестабилизацией, но, к тому же, и не позволит раскрыть потенциал самого Интернета как медиума. На практике оказалось, что организация информации тем более необходима, чем больший объём информации необходимо передавать. Постепенно регулирование Интернета превратилось в сложную, многоуровневую технологическую задачу. Но регулирование, сформировавшееся по мере распространения сетевых медиа, отли-

чается как от методов отбора в классических медиа, так и тех, что применялись на ранней фазе существования Интернета. Коммуникация в виде показа «паблика» для «подписчиков» категорически отличается от коммуникации посредством электронного письма. Электронная почта — это общение между эго и альтер эго, публикация в социальных сетях — это общение перед другими и для других [16, с. 329]. Между отправителем и получателем возникает форма связи, при которой получатель тоже становится отправителем в силу того, что за ним могут наблюдать третьи стороны. Наблюдающий наблюдает за наблюдающим — такую схему коммуникации в современном Интернете Нассе относит к категории наблюдения второго порядка.

Продолжая анализ характера коммуникации через Интернет, Нассе приходит к выводу, что Интернет — это машина для создания сложности и управления сложностью одновременно. Вновь обращаясь к теме роста рисков дестабилизации общества в связи с изобретением письменности и открытием книгопечатания, Нассе приводит соображения основателя этнологического структурализма Клода Леви-Стросса, который предложил ввести различие между холодным и горячим обществами [10]. А. Нассе напоминает о том, что, по мнению антрополога, холодные общества тратят свою энергию на поддержание статус-кво; горячие общества, напротив, стремятся к новому и ориентированы на рост. Книгопечатание и средства массовой информации — это классические движущие силы горячих обществ. Интересно, что среди горячих обществ Леви-Стросс выделяет такие, которые называет перегретыми. По его классификации, горячим обществам свойственно системно обучаться; перегретым обществам не удаётся адаптироваться посредством обучения, они рушатся под воздействием собственной динамики. Присущее им свойство нервозности обусловлено наличием большого количества раздражителей, которых они уже не способны обработать. Если каждая деталь касается целого, то мы имеем дело с перегретыми обществами [17].

В то время как классические масс-медиа имели системно встроенную, профессиональную цензуру, реализуемую не в последнюю очередь за счёт их оффлайн-материальности, в онлайн-цифровой среде эта функция теперь почти полностью устранена. Сеть колеблется между объёмом вычислительных мощностей и рисками перегрева. Как и в случае с перегревающимися серверами, распространяемые в сети «горячие новости» подлежат адекватному охлаждению. Современное общество, очевидно, должно решить проблему охлаждения, иначе из категории горячих, стремительно развивающихся оно рискует перейти в категорию перегретых, саморазрушаемых обществ. В качестве иллюстрации А. Нассе указывает на механизм распространения фейковой информации в сетях, когда передача информации, например, в «Твиттере» происходит быстрее, чем посредством любого другого классического носителя, при этом ложная информация распространяется значительно быстрее правдивой [20].

Задаваясь вопросом, какие неизбежные структурные изменения в публичной сфере должны происходить в цифровом обществе, А. Нассе отмечает, что в доцифровую эпоху средства массовой информации всегда являлись фильтром, который пропускал лишь то, что можно было тематизировать и обсуждать [16, с. 353]. По мнению автора, для решения вопроса, как должно регулироваться общественное пространство Интернета, важно не упускать из виду, что класси-

ческие масс-медиа, с одной стороны, содействовали распространению информации, но одновременно предотвращали её распространение, выполняя роль гейткиперов (привратников) общества, сберегающих его от перегрева.

Понятие конфиденциальности 2.0

Рассматривая тему приватности в современном обществе, А. Нассе делает отличие между двумя разными подходами к определению понятия конфиденциальности. Первый, начавший формирование ещё до эпохи Интернета, автор называет конфиденциальностью 1.0. Формирование второго является задачей будущей цифровой социальной науки и получает название конфиденциальность 2.0. Для пояснения понятия конфиденциальности 1.0 автор ссылается на работы М. Фуко, в которых последний изучал систему мотивации действия человека в социальном пространстве. Как поясняет А. Нассе, исследования механизма, при котором человек волен делать то, что хочет, но должен хотеть того, что ему следует [16, с. 361], позволило французскому социологу развить топос биополитики [7, с. 167]. Конфиденциальность 1.0 в таком понимании является результатом техник наблюдения, опирающихся на данные, которые позволяют сформировать нормальность и осуществить нормализацию индивидуальной жизни. Понятие конфиденциальности 1.0, возникшее ещё до наступления цифровой эпохи, продолжает определять современную повестку. Не случайно то, что биополитика населения, предложенная Фуко, была описана им практически в тех же категориях, которые сегодня применяются для критического анализа использования больших данных. Возникновение государственного контроля, формирование нормообразующих инстанций, сбор данных о населении, управление коллективным поведением, социальное планирование — всё это примеры критических тем, обсуждаемых в контексте проблематики приватности и цифровых технологий.

Со времён эпохи Просвещения стало известно, что свобода субъекта реализуется через его разумность. Появился и самый разумный в западной истории институт профессионалов — врачей, юристов, учителей, инженеров и профессоров. Знания, основанные на данных, позволили сформировать класс экспертов, ориентирующих субъекта в рамках формирования норм и нормальности. Отказ от внешнего контроля приватной жизни мог быть осуществлён только при наличии самоконтроля. Для этого потребовалось понятие «среднего человека» [19, с. 74], на которого можно было бы равняться индивидууму в своём ответственном «самоопределении». Именно тогда и прояснились впервые стратегии применения больших данных.

В этом ключе становится понятным, почему с момента своего возникновения приватность была результатом стратегии как социального, так и государственного контроля. Задача состояла в том, чтобы привести человека к состоянию, в котором он был бы способен дать отчёт о самом себе. Идея организовать жизнь по образцу или шаблону среднего человека фактически стала реализуемой при появлении наблюдения и сбора данных. Инстанция, осуществляющая нормализацию поведения человека, появляется в его жизни в виде авторитетного собеседника, в форме эксперта и профессионала, подкреплённого статистикой и критериями нормальности. При возникновении больших данных в современном смысле слова, компьютерный

сбор и возможность рекомбинации данных открывает возможности персонализированной статистики, ориентированной на особенности частного случая. Раньше было невозможно воздействовать на индивидуума, чтобы заставить его действовать без обвинения в «доминировании», «ограничении» или «контроле» над ним. При наличии достаточного количества информации о нём, это выглядит уже не так однозначно.

Отвечая на вопрос, какую конфиденциальность мы хотим сохранить, важно понимать, что аутентичной и автономной конфиденциальности никогда не было. Приватная форма жизни сама была результатом надзора и государственного регулирования. В конечном счёте, большие данные – это всего лишь усовершенствование методов количественной регистрации и измерения общества, которое началось ещё в конце XVIII в. века. По мнению А. Нассе, большие данные следует рассматривать как открывающуюся возможность общественного самопознания и осознания того факта, что личный образ жизни всегда был более «социальным», чем это обычно кажется. Вне всякого сомнения, существует значительная потребность в регулировании Интернета. Однако мы не можем избавиться от его сетевой структуры и его возможности сбора информации со всех измерительных датчиков, которыми оснащено общество и которыми субъекты охотно оснащают себя, поручая обслуживающим организациям сбор персональных данных. Возможно, такие юридические фигуры, как информационное самоопределение или защита частной жизни, являются анахроничными конструкциями, потому что вряд ли возможно реализовать защиту индивидуальной информации после того, как утвердятся целые формы облачной жизни, основанные на случайной синхронизации данных. К этому не следует относиться ни фаталистически, ни чрезмерно позитивно, а стоит воспринять как обоснование необходимости корректировки того, что сегодня называют конфиденциальностью. Это, безусловно, может помочь понять и то, что конфиденциальность 1.0 также была структурирована совсем иначе, чем понимаемое нами, почти романтическое представление о частной жизни. Конфиденциальность 1.0 основывается на вертикальной структуре общества, когда управление осуществляется из центра. Конфиденциальность 2.0 основана на децентрализованной структуре общества. Защита данных является реальной проблемой, но она не может и не должна решаться, как раньше. Помощью в поиске решения может стать осознание того, что приватность в понимании 1.0 является и всегда была романтической иллюзией, точно так же как является иллюзией и идея полной автономии и самоопределения человека. Нужно глубоко переосмыслить эти понятия, чтобы понять истинное значение конфиденциальности 2.0.

Проведённый в книге анализ цифровых технологий подводит к пониманию того, что общество само по себе имеет тенденцию к самоорганизации. А. Нассе приходит к выводу, что итеративное построение шаблонных структур и выработка образа является фундаментальным свойством, позволяющим обществу поддерживать стабильность при повышении комплексности. В итоге оказывается, что современные подрывные технологии носят не столько дестабилизирующий характер, сколько являются инструментом устойчивости, открывающим методы более точного и оперативного реагирования. Важной характеристикой современного общества является его выраженная эмпирическая открытость. Тот факт, что цифровизация, приводящая к росту комплексности, способствует возникновению более сложных форм стабильности, может быть воспринят как

противоречие. В действительности, открытие закодированной в цифровом виде глубинной регулярности общества, проявляющейся в организованной по образцу шаблонной структуре, открывает возможности понимания его природы, раздвигая горизонты социологии. Цифровые технологии должны быть оценены не только в рамках поляризованного дискурса, балансирующего между надвигающимися опасностями и таящимися возможностями, а прежде всего изучены как потенциал поиска сложных социологических закономерностей.

При таком подходе, цифровые технологии не являются чем-то, что действует на общество извне, толкая его по пути хороших и плохих сценариев. Цифровые технологии — это то, что свойственно самому обществу и является следствием его развития. В действительности цифровые технологии являются запросом общества, развивающегося по своим собственным законам. А. Нассе, возвращаясь к тезису, поставленному ещё в начале своего произведения, подводит итог о том, что в рамках социологической науки назрела необходимость создания теории цифрового общества. Впрочем, и цель написания представляемой книги заключалась в попытке создания такой теории.

После её прочтения возникает впечатление, что для такой теории, как минимум, положено неплохое начало, в то же время есть и ощущение открытой перспективы начатого исследования. В книге собрано множество свежих и интересных концептов, которые содержат потенциал доработки, уточнения и развития.

Список литературы (см. References)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Климович Александр Павлович, кандидат философских наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Липецкий филиал), Липецк, Россия.

E-mail: allekgut@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8912-7635

Дата поступления в редакцию: 11.01.2022. Принята к печати: 18.04.2022.

DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9027

On Approaches to the Creation of the Theory of the Digital Society. Based on the Book by Armin Nasse «Sample» (Muster)

Alexander P. Klimovich¹

¹Scientific Adviser at the DEAS Lab Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk Branch).
12B, Internationalnaya str, Lipetsk, Russia, 398050

For citation: Klimovich A. P. (2022). On approaches to the Creation of the Theory of the Digital Society. Based on the Book by Armin Nasse «Sample» (Muster) // *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 10, № 2. P. 39–51. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9027

Abstract. Due to the significant impact of digital technologies on society, it can be rightfully recognized that the field of digitalization has become a real laboratory for creating new concepts that determine the direction of development of modern sociological thought. The speed and scale of technology development imposes requirements on the critical analysis of their application. The global nature of digitalization is reflected in the implementation of a large number of sociological studies conducted in different countries in different languages. To increase the effectiveness of the work of sociologists, a significant amount of research translation is required, which must be done in a short period of time. Translations from English in our country are more or less routine, but translations from German are made much less frequently, despite the fact that the German socio-philosophical tradition is very strong. Armin Nasse can rightfully be ranked among the leading contemporary German sociologists. As a follower of the Bielefeld school of sociology, Nasse is also a well-known researcher of the impact of digital technologies on modern society. His books cover a wide range of sociological research, but when it comes to digitalization, of course, the book “Sample”, published in 2019, deserves the greatest interest. In this work, attempts are made to find answers to the most pressing questions regarding the development of the theory of digitalization. The proposed article, of course, cannot replace the translation of the book, but it can give a brief overview of the ideas that it contains. The article reviews new approaches to the creation of the theory of the digital society.

Keywords: digital society; digital transformation; functional differential theory; binary coding; generalized medium; privacy; big data

REFERENCES

1. Zubov Sh. (2022). *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushee na novykh rubezhakh vlasti*. [The era of supervisory capitalism. The battle for the human future on the new frontiers of power]. Ed. by Ya. Okhon'ko i A. Smirnova. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 784 p. (In Russ.).
2. Polyakova I. P., Klimovich A. P. (2020). Moral' v sistemnoĭ teorii N. Lumana. [Morality in N. Luhmann's system theory]. *Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya*. № 2(17). P. 152–161. (In Russ.).
3. Uspenskij V. A. (1982). Teorema Gedelya o nepolnote. [Теорема Гёделя о неполноте]. M.: Nauka publ. 110 p. (In Russ.).
4. Bernhard J. D. (2018). Down-to earth-resolutions. Erinnerungen an die KI als eine “häretische Theorie”. Christoph Engemann und Andreas Sudmann (Hg.): *Machine Learning. Medien, Infrastrukturen und Technologien der Künstlichen Intelligenz*, Bielefeld. P. 39–54.
5. Cassirer E. (1995). Form und Technik, in: ders.: *Symbol, Technik, Sprache*, Hamburg: Meiner.
6. Engemann C., Sudmann A. (2018). *Machine Learning. Medien, Infrastrukturen und Technologien der Künstlichen Intelligenz*, Bielefeld. P. 39–54.
7. Foucault M. (1989). *Der Wille zum Wissen. Sexualität und Wahrheit I*, Frankfurt am Main: Suhrkamp, S. 167.
8. Helbing D. (2019). *Towards Digital Enlightenment. Essays on the Dark and Light Sides of the Digital Revolution*. Springer. P. 99.
9. Kant I. (1794). Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? *Berlinische Monatsschrift*, 1784, P. 481–494.

10. Levi-Strauss C. (1968). *Das wilde Denken*, Frankfurt/M.: Suhrkamp.
11. Luhmann N. (1997). *Die Gesellschaft der Gesellschaft*, Frankfurt/M.: Suhrkamp P. 729.
12. Luhmann N. (2005). *Einführung in die Theorie der Gesellschaft*. Heidelberg: Carl-Auer,
13. Nassehi A. (2018). *Die letzte Stunde der Wahrheit. Kritik der komplexitätsvergessenen Vernunft*, 2. Aufl., Hamburg: Kursbuch-Edition. P. 65.
14. Nassehi A. (2008). *Die Zeit der Gesellschaft. Auf dem Weg zu einer soziologischen Theorie der Zeit*, 2. Aufl., Wiesbaden: Springer. P. 182–210.
15. Nassehi A. (2003). *Geschlossenheit und Offenheit. Studien zur Theorie der modernen Gesellschaft*, Frankfurt/M.: Suhrkamp. P. 36.
16. Nassehi A. (2019). *Muster. Theorie der digitalen Gesellschaft*, München: C. H. Beck.
17. Nassehi A. (2019). *Unsere Gesellschaft läuft sich an ihren Debatten heiß*, in: *Welt am Sonntag vom 03.02.2019*.
18. Peirce Charles Sanders. *Collected Papers*. Vol. 1–6, hg. von Charles Hartshorne und Paul Weiss; Cambridge, MA: Harvard University Press 1931–1935, hier: 5.171.
19. Stempfhuber M., Wagner E. (2019). *Springer Praktiken der Überwachten: Öffentlichkeit und Privatheit im Web 2.0 VS*; 1. Aufl. 2019 Edition. P. 74.
20. Soroush V., Deb R., Sinan A. (2018). *The spread of true and false news online*. *Science*. 359. P. 1146–1151.
21. Wiener N. *God and Golem, Inc. (1964). A Comment on Certain Points where Cybernetics Imbings on Religion*, Cambridge, MA: MIT Press. P. 32.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. *Зубов Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Пер. с англ. А. Васильева; под. ред. Я. Охонько и А. Смирнова. М. : Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
2. *Полякова И. П.* Мораль в системной теории Н. Лумана / И. П. Полякова, А. П. Климович // *На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания*. 2020. № 2(17). С. 152–161. EDN ILABPH.
3. *Успенский В. А.* Теорема Гёделя о неполноте. М.: Наука, 1982. 110 с.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Klimovich Alexander Pavlovich, Candidate of Philosophy,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk, Russia.
E-mail: allexgut@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-8912-7635

The article was submitted on January 11, 2022. Accepted on April 18, 2022.